

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НУМИЗМАТИКА И ЭПИГРАФИКА

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ИЗ ОБЛАСТИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ XI—XII вв.

Уже давно внимание нумизматов и историков привлёк тот факт, что обильный приток восточного серебра в Европу прекратился в начале XI в. Вопрос этот специально был поставлен на третьем международном съезде ориенталистов. Высказанные тогда соображения сводились к тому, что причиной было падение Хазарского царства¹.

Дальнейшие наблюдения показали, что причину нужно искать не в политических событиях на территории Восточной Европы, а в экономике самих восточных государств, ибо именно в экономике Востока было замечено явление, территориальный размах и длительность которого дали основание назвать его «серебряным кризисом».

В литературе имеются лишь самые общие и очень краткие характеристики денежного обращения на Востоке в период так называемого «серебряного кризиса» и высказаны некоторые соображения о причинах самого явления. Не приводя их здесь, отметим лишь, что сущность денежного чекана и обращения этого периода сводили, как правило, к порче, а затем и полному исчезновению серебряных дирхемов и к переходу на медные дирхемы и золотую валюту. Все соображения о причинах «серебряного кризиса» можно суммировать следующим образом: значительное сокращение серебряных запасов, вызванное большим отливом серебра за предшествующее время в Европу и истощением рудников, а также, возможно, некоторыми политическими событиями этого времени (например, движением на запад сельджуков). Однако эти причины, имеющие общий характер, недостаточно объясняют время, сроки и размах «серебряного кризиса».

Не так давно Б. А. Литвинский и Е. А. Пахомов сделали очень плодотворную, с нашей точки зрения, попытку связать порчу и исчезновение серебряных монет с общими изменениями в экономике Востока на новом этапе развития феодализма. Однако при одинаковом подходе к решению этой проблемы они сделали диаметрально противоположные выводы. Б. А. Литвинский считает, что «серебряный кризис» вызван в первую очередь ростом городов, которому немало способствовали интенсивное развитие института икта, развитие товарного производства и пр.² Е. А. Пахомов видит причины кризиса в измене-

¹ Тр. третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876, т. I. Спб., 1879—1880, стр. XXXVIII, LXVI.

² Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. Изв. Отд. общ. наук АН Таджикской ССР, вып. 4. Сталинабад, 1953, стр. 63.

ниях в формах феодального способа производства, связанных с образованием сельджукской империи, развитием в ней системы икта, усилением натурального хозяйства за счет денежного, феодальной эксплуатации права чеканки монеты и пр.³ Таким образом, если один исследователь (Б. А. Литвинский) считает «серебряный кризис» «болезнью» роста, то другой (Е. А. Пахомов) видит в нем «болезнь» упадка.

Какая из этих взаимоисключающих точек зрения верна, можно установить только дальнейшими исследованиями конкретной истории разных областей и государств XI—XIII вв. При учете всех явлений экономической и политической жизни, которые могли влиять на денежную торговлю, особое внимание, на наш взгляд, должно быть уделено изучению города XI—XIII вв. как ячейки, где сосредоточивались товарное производство и денежная торговля, изучению его места в системе феодализма на этом этапе.

Наша работа является опытом конкретно-исторической характеристики основных явлений денежного обращения в XI—XII и отчасти в XIII в. на территории Средней Азии. Мы не рассматриваем всю сумму вопросов, связанных с монетным чеканом и обращением (хотя для разрешения многих из них уже накоплен достаточный материал), ограничивая себя тремя следующими задачами:

во-первых, установить общую картину состояния серебряных запасов в Средней Азии периода «серебряного кризиса» и проследить конкретные формы порчи серебряных монет, привлекая для этого данные химического анализа;

во-вторых, охарактеризовать все виды монет разного металла, обращавшиеся в это время в сфере золота, серебра и меди, выяснив основную специфику внутригосударственного денежного обращения и новые, по сравнению с предшествующим периодом, явления;

в-третьих, поставить и постараться разрешить вопрос о причинах, определивших характерные, специфические черты и новые явления в монетном чекане и денежном обращении Средней Азии периода «серебряного кризиса».

Основным источником для нашей работы послужили монеты и материалы по топографии их находок в пределах Средней Азии, а для решения вопроса о состоянии серебряных запасов мы привлекли текст Наршахи, еще не рассматривавшийся в таком аспекте.

Заметно портить серебряные монеты в Средней Азии начали Караканиды с первых десятилетий XI в. Продолжался «серебряный кризис» здесь до третьей четверти XIII в. включительно. Однако мы анализируем материал преимущественно до начала XIII в. Монгольское завоевание настолько существенно повлияло на всю экономическую жизнь Средней Азии, что монетное обращение, хотя и сохранило некоторые черты и особенности предшествующего периода, все же осложнилось новыми явлениями, и оно должно изучаться самостоятельно.

ОТНОШЕНИЕ ЗОЛОТА К СЕРЕБРУ В 1128 г.

Интересующее нас свидетельство помещено в книге Наршахи «Тарихи-Бухара»⁴ в главе о чеканке монет в Бухаре. Оно является

³ Е. А. Пахомов. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII века. Нумизматический сборник, ч. 2. «Тр. ГИМ», вып. XXVI. М., 1957, стр. 83, 90; его же. Монеты Грузии, ч. I. ЗНОРАО, т. I, вып. IV. 1910, стр. 80.

⁴ Мы использовали 19 рукописей «Тарихи-Бухара» Наршахи, хранящихся в Институте востоковедения АН УзССР (Инв. № 2110, 4355/II, 4289, 1494/V, 5388/II, 5389/IV, 46/II, 5056/II, 4447/I, 1507/I, 1862/I, 1892/II, 3390/IV, 3417/II, 2212/I, 47/III, 4465, 2047/I, 3042/V; об этих списках см. «Собрание восточных

позднейшей вставкой, датированной 522 г. х. (1128 г.). В большинстве рукописей дата обозначена полностью. В некоторых пропущено слово, обозначающее сотни⁵ или десятки⁶. Среди кажущегося разнообразия вариантов могут быть выделены две основные редакции, различающиеся только (не считая частных, не меняющих смысла) одним выражением: в первой редакции⁷ написано زر سرخ, а во вто-

рой⁸ — احمد بن نصر كويد در شرع. Приводим этот отрывок полностью: که در شهر سنه اتنين عشرين و خمسينيه که ما اين کتاب را ترجمه کردیم صد درم نقره خالص بهفتاد عذرفی بود [реже بهفتاد دو] درم عذرفی بود و (первая редакция) زر سرخ [или (вторая редакция) در شرع].

Перевод первой редакции: «Ахмад, сын Насра, говорит, что в 522 году, когда мы перевели эту книгу, сто дирхемов чистого серебра стоили семьдесят дирхемов гитрифи, а мискаль красного (т. е. червонного. — Е. Д.) золота стоил семь с половиной дирхемов гитрифи».

Перевод второй редакции: «Ахмад, сын Насра, говорит, что в 522 году, когда мы перевели эту книгу, сто дирхемов чистого серебра стоили семьдесят (или «семьдесят два») дирхемов гитрифи, а по закону мискаль стоил семь с половиной дирхемов гитрифи».

По другим спискам рассматриваемый текст дает еще два варианта, но оба восходят к первой редакции и являются ее искажением. Один из этих двух вариантов отличается от первой редакции только последней фразой⁹ وزر سرخ مثقالی بهفت نیم درم بکوشک ماخذ زده اند.

Ближайшее рассмотрение показывает, что фраза эта образована из фрагментов двух самостоятельных фраз, причем от первой взято начало, а от второй — конец, середина же опущена. В полном виде этот фрагмент выглядит следующим образом (опущенная часть взята в квад-

рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. I. Ташкент, 1952, № 92—110); тегеранское издание мудариса Резави, основанное на двух рукописях, с учетом парижского издания Шефера; литографию 1904 г., изданную в Новой Бухаре, и шесть рукописей, использованных П. И. Лерхом (Монеты Бухар-худатов. СПб., 1909, стр. 59—74), поскольку интересующее нас место приведено у него текстуально со всеми разночтениями.

⁵ Рукопись № 3417/II, 5056/II, 5388/II, 46/II, 2110; тегеранское издание; в рукописи № 3042/V вместо «пятьсот» стоит «двести».

⁶ Рукописи № 2047/I, 2212/I, 4447/I, 5389/IV.

⁷ Рукопись № 3417 (л. 73-а), № 5056/II (л. 90-б), № 4299 (л. 23-б; слово «мискаль» без конечного «й»); две рукописи (К и ПБ I) П. И. Лерха (Указ. соч., стр. 63, прим.); две рукописи тегеранского издания (стр. 44; без конечного «й» в слове «мискаль»).

⁸ Рукописи № 3042/V (л. 116-а), № 5388/II (л. 81-б), № 3390/IV (л. 83-а), № 46/II (л. 76-а); две рукописи (AI и III) П. Лерха (Указ. соч., стр. 63). Разночтения внутри каждой редакции обычно частного порядка: иногда опущены союзы и послелог «ра» или конечный «й» в слове «мискаль»; слово «гитрифи» имеет разное начертание; уже оговорено отсутствие в некоторых списках слов сотен или десятков в дате; глаголы иногда даны в простом прошедшем времени, иногда — в прошедшем результативном.

⁹ Рукописи № 1494/V (л. 155-б), № 47/III (л. 75-б), № 1507/I (л. 27-б), № 4465 (л. 39-б), № 4355/III (л. 60-б), № 2212/I (л. 30-б, пропущены десятки в дате, причем эта ошибочная дата — 502 г. х. повторена цифрами), № 5389/IV (л. 77-б, 78-а; пропущены десятки в дате), № 2047/I (л. 28-б, 29-а; пропущены десятки в дате), № 4447/I (л. 36-а; пропущено слово بهفت перед نیمدرم и десятки в дате).

ратные скобки): *وزر سرخ مثقالی بهفت نیم درم [عذرفی بود و محمد بن جعفر آورده است که این عذرفی] بکوشک ماخذ زده اند* червонного золота семь с половиной дирхемов [гитрифи стоил. Мухаммад, сын Джафара, сообщил, что эти гитрифи] чеканили во дворце Махек».

Второй вариант — искажение, отличается от первой редакции несколько больше¹⁰. Сто дирхемов чистого серебра здесь приравнены не к 70, а к 80 дирхемам гитрифи. Кроме того, здесь сделана попытка грамматически несколько упорядочить и осмыслить вышеприведенную непонятную «сборную» фразу первого варианта — *وازر سرخ که مثقال*

آن بهفت نیم درم در شهر بخارا زده اند

Попробуем разобрать и сравнить две основные редакции этого отрывка. Прежде всего, обращает внимание уже отмеченный факт, что они различаются только двумя словами: в первой *زر سرخ* «красное (червонное) золото», а во второй *در شرع* «по закону». Сопоставле-

ние букв (из которых вторая, третья и четвертая совпадают, а первая и пятая при нечетком почерке могли быть прочтены двояко, т. е. «ра» — «даль» и «ха» — «айн») показывает, что эти две редакции нельзя считать параллельными и равноправными, что одна из них возникла, по-видимому, как результат искажения, допущенного переписчиком, имевшим перед собой недостаточно четкую в этой части рукопись. Переписчик не понял смысла фразы и осмыслил эти два слова по примерным очертаниям букв. Какая же из этих двух редакций является истинной и первоначальной?

В распоряжении П. И. Лерха, подробно проанализировавшего текст всей главы о чеканке монет в Бухаре, находились обе основные редакции и второй вариант, восходящий к первой из них. П. И. Лерх принял тот текст, который мы назвали второй редакцией: «а по закону мискаль стоил семь с половиной дирхемов гитрифи».

Однако разбор этой редакции показывает, что она внутренне противоречива. Металл мискаля во второй редакции не оговорен, хотя во всех других случаях он приводится. Если присоединиться к П. И. Лерху и считать данный мискаль серебряным, то получится, что по второй редакции один дирхем гитрифи одновременно равнялся $\frac{100}{70}$ или $\frac{100}{72}$ дирхема серебра и $\frac{1}{7,5}$ мискаля серебра. Даже без подсчета мискаля в дирхемы видно, что эти два равенства слишком различны и исключают друг друга. Наиболее обычное на Востоке отношение между весовыми дирхемом и мискалем — это равенство дирхема 0,7 мискаля. Анализ различных материалов позволил установить, что в средневековой Бухаре употреблялись обе эти единицы, и существовало такое же отношение между ними (при абсолютном весе: дирхем = 3,36 г, мискаль = 4,8 г)¹¹. При таком отношении цифровые показатели второй редакции будут иметь следующий вид: дирхем гитрифи равен $\frac{10}{7}$ дирхема серебра и в то же время $\frac{4}{21}$

¹⁰ Рукопись № 1892/II (л. 88-б) и одна из рукописей (ПБЗ) П. И. Лерха (Указ. соч., стр. 71); в рукописи № 1862/I (л. 24-б) и в другой рукописи (ПБ2) П. И. Лерха (Указ. соч., стр. 71, прим.) пропущено слово «зар» — «золото».

¹¹ Е. А. Давидович и Б. И. Маршак. Уникальная гиря VI—VIII вв. из Пенджикента. Доклад, читанный в секторе археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР 14/V 1957 г.

дирхема серебра¹². Приводя для сравнения к общему знаменателю, получаем, что дирхем гитрифи был, якобы, равен $\frac{30}{21}$ и $\frac{4}{21}$ дирхема серебра одновременно. Это совершенно абсурдно, не говоря уже о том, что определять курс дирхемов гитрифи в одном и том же тексте дважды через один и тот же металл (серебро) было бы ни к чему.

Для объяснения выражения «по закону» в тексте второй редакции можно допустить, как это сделал П. И. Лерх, что второе равенство (дирхем гитрифи = $\frac{4}{21}$ дирхема серебра) передает реальную стоимость дирхемов гитрифи, поскольку вначале в их составе было серебро и даже золото. Но при этом необходимо учитывать, что весь разбираемый отрывок приведен от имени Ахмада бен Насра, т. е. свидетельство о равенстве «по закону» дирхема гитрифи и $\frac{4}{21}$ дирхема серебра относится к 522 г. х. Отсюда следует, что предполагаемая реальная стоимость дирхемов гитрифи сохранялась неизменной до XII в. или, во всяком случае, в XII в. была именно такой, какая оговорена в тексте от имени Ахмада бен Насра. Однако такое допущение опровергают сами монеты, ибо дирхемы гитрифи после начала их чеканки в VIII в. довольно быстро потеряли серебряный облик. Следовательно, равенство дирхема гитрифи и $\frac{4}{21}$ дирхема серебра для XII в. нельзя считать выражением реальной стоимости дирхемов гитрифи.

Можно было бы сделать еще одно допущение. Так как неофициальный, базарный курс монет мог отклоняться от официального курса, то можно было бы допустить, что два различных вышеприведенных равенства как раз и отражают эти два курса: дирхем гитрифи в $\frac{30}{21}$ дирхема серебра — базарный курс, а дирхем гитрифи в $\frac{4}{21}$ дирхема серебра (поскольку именно к этому равенству приложено выражение «по закону») — курс законный, официальный. Но и это допущение не выдерживает критики, так как выходит, что разница курсов слишком велика и сохраняется в течение слишком большого периода времени.

В книге Наршахи зафиксировано четыре курса дирхемов гитрифи:

1) 6 дирхемов гитрифи = 1 дирхему серебра, т. е. 1 дирхем гитрифи = $\frac{1}{6}$ (= $\frac{3,5}{21}$) дирхема серебра.

2) 1 дирхем гитрифи = 1 (= $\frac{21}{21}$) дирхему серебра.

3) 85 дирхемов гитрифи = 100 дирхемам серебра, т. е. 1 дирхем гитрифи = $\frac{100}{85}$ (= $\frac{24,7}{21}$) дирхемам серебра.

4) 70 дирхемов гитрифи = 100 дирхемам серебра, т. е. 1 дирхем гитрифи = $\frac{100}{70}$ (= $\frac{30}{21}$) дирхемам серебра.

Итак, динамика поднятия курса дирхемов гитрифи следующая: $\frac{3,5}{21}$; $\frac{21}{21}$; $\frac{24,7}{21}$; $\frac{30}{21}$. Последние два курса разделены тремя столетиями. Следовательно, несмотря на вероятные внутренние курсовые колебания с того момента, когда курс достиг второй нормы ($\frac{21}{21}$), проявляя

¹² Из следующего расчета: 1 мискаль = $\frac{10}{7}$ дирхема = 7 $\frac{1}{2}$ гитрифи. Отсюда, один дирхем гитрифи = $\frac{10}{7} : 7 \frac{1}{2} = \frac{4}{21}$ дирхема серебра.

тенденцию к дальнейшему повышению, в целом он оставался устойчиво высоким на протяжении очень длительного времени. Курсы базарный и официальный могли расходиться и расходились, что должно было стимулировать изменение официального курса в сторону повышения или понижения. Но очень большая разница в курсах (примерно, в пять, шесть и семь с половиной раз) не могла устойчиво существовать на протяжении нескольких столетий. К сказанному следует добавить, что относительно первых двух курсовых норм в тексте прямо оговорено, что государь принимал дирхемы гитрифи именно по этим курсам, т. е. именно они были для того времени законными и официальными. Все это, вместе взятое, заставляет отказаться от предложенного выше допущения.

Разберем первую редакцию отрывка. Как уже отмечалось, она была известна П. И. Лерху, как и восходящий к ней второй вариант нашей классификации. Опуская основную редакцию, П. И. Лерх, однако, довольно подробно характеризует второй вариант отрывка. Указанную фразу второго варианта П. И. Лерх совершенно справедливо назвал бессмысленной, однако происхождение этой «бессмысленности» определил неверно: «заменой слов *ودر شرع* и в шариате, словами

بگو شک ماذک и красное золото, и выпуском слов *وزر سرخ*

в Махском дворце, получилась та бессмысленная фраза, после которой мы в переводе поставили первый восклицательный знак»¹³. Как выше уже отмечалось, смысловое искажение в тексте второго варианта произошло вследствие того, что пропущены были не два слова, а значительный отрывок текста, состоящий из конца и начала двух совершенно самостоятельных фраз. Но эта «бессмысленная фраза» восходит к вполне осмысленной первой редакции отрывка. Это обстоятельство П. И. Лерх не отметил. Первую же редакцию он считал ошибочной в целом и дважды совершенно ее исключил, даже не подвергнув разбору: первый раз, когда выражение «красное (червонное) золото» отнес в примечание, не останавливаясь на его смысле; и второй раз, когда появление в тексте этого выражения объявил одной из причин «бессмысленности» получившейся фразы¹⁴. В тегеранском же издании, наоборот, чтение нашей первой редакции принято как основное. Эта же редакция лежит в основе новейшего перевода «Тарихи-Бухара» на английский язык, осуществленного Р. Н. Фраем: «A red gold mithqāl was equalled to seven and onehalf ghidriḡi dirhams...»¹⁵. Именно золотым мискалем оперирует и В. Хинц в рецензии на перевод Р. Н. Фрая¹⁶. Следует также оговорить, что выражение *زر سرخ*

для червонного золота было весьма употребительно в самых различных временных источниках¹⁷.

¹³ П. И. Лерх. Указ. соч., стр. 74, прим.

¹⁴ Там же.

¹⁵ The History of Bukhara. Transl. from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narschakhi. Cambridge — Massachusetts, 1954, p. 37. По переводу Н. Лыкошина («1 золотник равнялся 7,5 гитрифи») нельзя понять, какую редакцию предпочитал он, ибо в переводе опущены оба спорных выражения: и «по закону» и «красное золото».

¹⁶ См. Orientalische Literaturzeitung. Berlin, 1956, Nr. 7/8, S. 23.

¹⁷ Сравни, например, фразу в договоре 712 г. Кутейбы с Гуреком *وهرچه ... زر سرخ بود هر مثقالی بیست درم* (О. И. Смирнова. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. Договор арабского полководца Кутейбы с царем Согда Гуреком, заключенный в 712 г. СВ, 1957, 2, стр. 121—122). Это же выражение на персидском или арабском языках постоянно встречается в позднесредневековых юридических документах.

Итак, согласно первой редакции, в 522 г. х. 100 дирхемов чистого серебра равнялись 70 дирхемам гитрифи, а один мискаль червонного золота равнялся 7,5 дирхема гитрифи. Прежде всего необходимо отметить, что под дирхемами серебра в данном случае следует понимать не серебряные монеты, а весовое серебро-металл. В XII в. дирхемы-монеты чеканились и обращались, причем слово «дирхем» представлялось в надписях на самих монетных кружках. Но эти дирхемы отнюдь не были серебряными. Следовательно, в данном случае курс дирхемов гитрифи определялся не через другие монеты, а через серебро-металл, что очень существенно¹⁸.

Вторая часть текста по этой редакции определяет отношение тех же дирхемов гитрифи, но уже не к серебру, а к другому валютному металлу — золоту.

Такое двоякое определение курса дирхемов гитрифи вполне понятно и закономерно для изучаемого периода. Дирхемы гитрифи по существу были знаками стоимости. Их курс ни в какой мере не определялся их собственной стоимостью — следовательно, они не выполняли функции меры стоимости, будучи лишь средством обращения. Поэтому курс этих знаков стоимости должен был фиксироваться через настоящие деньги или через валютный металл. Поскольку меры стоимости в средневековой Средней Азии выполняло то золото, то серебро, фиксация через оба металла была наиболее точной и гарантийной. В периоды, когда серебро было основной и достаточно прочной мерой стоимости, когда чеканились настоящие серебряные монеты определенной пробы и веса, курс знаков стоимости достаточно было определить через один металл — серебро. Поэтому три фиксированных в книге Наршахи курса, относящихся к периоду в пределах VIII—IX вв., сравниваются только с серебром. В периоды, когда возрастала роль золота, а роль серебра падала (как это имело место в XII в.), определение знаков стоимости должно было производиться через золото. В качестве аналогии можно привести один характерный пример. В Средней Азии при Апшарханидах в XVII в. и первой половине XVIII в. серебряные монеты сначала постепенно, а затем все более интенсивно портились лигатурой (медью). Процент содержания меди в монетах даже превысил процент серебра. В официальных юридических документах того времени процент содержания в монетах чистого серебра обычно особо оговаривался, так как на рынке одновременно обращались монеты разной пробы, а их курс определялся именно содержанием в них чистого серебра.

¹⁸ М. Е. Массон («К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби». Тр. Института истории и археологии АН УзССР, вып. 7. Ташкент, 1955, стр. 191) под дирхемом понимает не весовой дирхем серебра, а именно монету, усматривая в этом отрывке текста противоречие с тем положением, что в XII в. серебряные монеты уже не чеканились. Считая поэтому определение этих дирхемов как «серебряных» и «чистых» результатом позднейшего искажения, он отождествляет названные в тексте «дирхемы чистого серебра» с медными монетами (дирхемами XII в.), так что у него 70—80 гитрифи по курсу равны именно этим знакам стоимости. Дело просто в том, что слово «дирхем» служило не только для обозначения монеты, но было и весовой единицей, преимущественно для серебра. В данном случае имеется в виду как раз такой весовой «дирхем чистого серебра», и для понимания этого места текста не нужно прибегать к ссылке на искажения: текст верен. Ниже в тексте упоминается мискаль — также весовая единица. Мискаль служил для весового определения преимущественно золота. Согласно нашей первой редакции текста под мискалем в данном случае подразумевалось именно золото. Золотые монеты в XII в. чеканились и обращались. И все же курс дирхемов гитрифи определен не через золотые монеты, а через весовое золото. Это также подтверждает правильность понимания дирхема в данном случае не как монеты, а как весовой единицы серебра. Нельзя не оговорить, что курсовое определение отдельных монетных групп часто производилось не относительно золотых или серебряных монет, а относительно весового серебра или золота, что было гораздо точнее и прочнее.

Но в некоторых случаях для уточнения курса описываемых низкопробных монет его определяли не только через серебро, но еще и дополнительно, через золото.

Итак, согласно первой редакции разбираемого отрывка, курс дирхемов гитрифи определен двояко — через серебро и через золото:

1) 70 дирхемов гитрифи равны 100 дирхемам серебра-металла, т. е. один дирхем гитрифи равен $\frac{10}{7}$ дирхема серебра, т. е. одному весовому мискалю серебра.

2) 7,5 дирхема гитрифи равны одному мискалю золота, т. е. один дирхем гитрифи равен $\frac{1}{7,5}$ мискаля золота.

Отсюда следует, что один весовой мискаль серебра в курсовом отношении равен $\frac{1}{7,5}$ мискаля золота. т. е. в Средней Азии в 522 г. х. отношение золота к серебру было как 1 : 7,5 (или близко этому).

Конечно, на протяжении XII в. это отношение могло меняться от разных временных и частных причин, но выявленное нами равенство для 522 г. х. (4128 г.) характеризует среднюю норму, на уровне и вокруг которой имели место эти частные колебания.

ЗОЛОТЫЕ ДИНАРЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ XI—XIII вв.

Необходимое количество средств обращения в Средней Азии рассматриваемого периода складывалось из монет разного металла, включая монеты с принудительным курсом. Чеканились и обращались золотые, серебряные, медные (иногда, возможно, бронзовые) монеты и монеты из искусственного сплава металлов (например, серебро с медью или медь со свинцом.) У разных монет были свои сферы обращения.

Сферу золотого обращения насыщали золотые динары. Они упоминаются в письменных источниках. Значительное количество (в основном, правда, неопубликованных) золотых монет XI—XIII вв. хранится в музеях. С точки зрения династической принадлежности на территории Средней Азии чаще всего встречаются монеты Ануштегинидов (среди них преобладают монеты Мухаммада бен Текеша) и также джагатаидские, сельджукские, газневидские, караханидские, чингизидские и гуридские монеты (другие очень редки).

Кроме находок отдельных золотых монет этого периода, уже сейчас зарегистрировано значительное число кладов. Характерной чертой этих кладов является то, что, кроме целых монет, они в большинстве случаев включают фрагменты разных размеров, причем число последних часто превышает число целых монет. Приведем несколько примеров покладам самой различной величины.

1. В 1884 г. в б. Джизакском районе Ходжентского уезда был обнаружен клад. В Археологическую комиссию доставлена одна целая и несколько фрагментов золотых хорезмшахских монет XIII в. общим весом 8 зол. 87 дол¹⁹.

2. В 1897 г. в б. Джизакском уезде Самаркандской области обнаружен клад. В ИАК доставлена одна целая и 11 обломков золотых хорезмшахских монет²⁰.

3. В 1902 г. около г. Пишпека найден глиняный кувшин, в котором оказалось 8 кусочков серебра, две целые и обломки золотых монет Караханидов весом в $2\frac{3}{4}$ золотника²¹.

¹⁹ Архив ИА, ф. 1, 1884, г., № 18.

²⁰ Архив ИА, ф. 1, 1897 г., № 265; также ОАК за 1897 г., стр. 71, 180—181.

²¹ Архив ИА, ф. 1, 1902 г., № 177; также ОАК за 1902 г., стр. 143 и 171.

4. В 1903 г. в б. Пишпекском уезде найден клад в медном ящичке, состоящий из 24 целых золотых монет (весом в 16 зол. 5 дол.), 104 обломков (весом в 24 зол. 48 дол.) и трех золотых пластинок. Монеты хорезмшахские и гуридские ²².

5. В 1906 г. в г. Андижане найден клад золотых монет в глиняном кувшине. В Археологическую комиссию доставлены 21 экземпляр целых монет и 250 обрезков, общим весом в 80 зол. Монеты хорезмшахские, Сельджуков Персии, караханидские, гуридские и эмиров Нишапура ²³.

6. В 1914 г. в Самарканде, на склоне городища Афрасиаб, найден клад из 30 целых и трех обломков золотых хорезмшахских и караханидских монет ²⁴.

7. В 1926 г. близ Байрам-Али в Туркмении найдена кубышка с золотым монетным ломом (вес — 168,6 г) и четырьмя целыми сельджукскими и хорезмшахскими монетами ²⁵.

8. В 1954 г. в Пахтабадском районе Андижанской области УзССР в керамической копилке найден клад. В Музей истории АН УзССР доставлены 10 целых, 107 фрагментов золотых монет и маленький брусочек нечеканенного золота. Монеты джагатаидские, хорезмшахские, газневидские и др. ²⁶

9. В 1957 г. в районном центре Шахристан Ленинабадской области Таджикской ССР найден клад в глиняном кувшине, состоящий из различных украшений и золотых монет. В Институт истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР поступила часть клада: несколько украшений (серьги, перстни, бусы и пр.), две целые золотые монеты середины XIII в. (чекан Шафургана и Бухары) и семь фрагментов ²⁷.

Характерной особенностью этих кладов является их смешанный, с точки зрения династической принадлежности, состав. Встречаются, конечно, и однородные клады. Например, клад, найденный в 1954 г. в г. Ленинабаде, целиком состоял из джагатаидских анонимных монет XIII — начала XIV в. ²⁸ В кладах смешанного состава иногда количественно преобладают монеты одной династии, остальные же представлены единичными экземплярами. Например, клад, найденный в 1889 г. в Закаспийской области (близ Талхатанбаба), состоял в основном из сельджукских монет Альп-Арслана и Мелик-Шаха. Из 154 монет только четыре были газневидскими ²⁹. В вышеупомянутом самаркандском кладе были в основном караханидские монеты XII в. Из 30 целых экземпляров и трех обломков только три монеты оказались хорезмшахскими XII в. (Иль-Арслана и Текеша). Иногда в кладах смешанного состава такого резкого и явного преобладания монет одной династии нет. Так, в андижанском кладе определенные монеты дают следующую картину: Хорезмшахи — 6, Караханиды — 8, Гуриды — 3, Сельджуки Персии — 1 и эмиры Нишапура — 1 экз.

Среди всех золотых монет XI—XIII вв., найденных на территории Средней Азии в кладах и отдельно, преобладают монеты XII в. и начала XIII в.

²² Архив ИА, ф. 1, 1903 г., № 115; также ОАК за 1903 г., стр. 176 и 214.

²³ Архив ИА, 1906 г., № 54; также ОАК за 1906 г., стр. 134 и 150.

²⁴ Архив ИА, ф. 1, 1914 г., № 78; также ОАК за 1913—1915 гг., стр. 221 и 263.

²⁵ М. Е. М а с с о н. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг. Отд. отд. из ж. «Научная мысль», 1930, № 1, стр. 7.

²⁶ Г. А л и м о в. Клад золотых монет из Узбекистана. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXVII. Сталинабад, 1956, стр. 122.

²⁷ Е. А. Д а в и д о в и ч. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. СIII. Сталинабад, 1959, стр. 158, 159.

²⁸ Е. А. Д а в и д о в и ч. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXVII. Сталинабад, 1956, стр. 99—100.

²⁹ Архив ИА, ф. 1, 1889 г., № 58; также ОАК за 1889 г., стр. 95, 116—117.

Важно подчеркнуть, что в рассматриваемый период государства и монетные дворы чеканили золотые монеты разной пробы, часто не очень высокой. Например, джагатаидские монеты 50-х годов XIII в. чеканились из сплава золота и серебра. По данным Петербургского монетного двора, проба золота в них была 572, а проба серебра — 314. Еще меньше чистого золота оказалось в сельджукских монетах XI в., также чеканенных из сплава золота и серебра: проба золота — 388, проба серебра — 570³⁰.

Для реального денежного обращения на территории Средней Азии характерно, как это можно заключить на основании смешанного состава большинства кладов и внешнего вида самих монет, что здесь разнопробные монеты имели одновременное хождение.

Обращает на себя внимание также тот факт, что золотые монеты, даже чеканенные от имени одного государя, имеют разный вес. Приведем три примера.

Совершенно различный вес имеют золотые монеты караханидского государя Ибрахим-Арслан-хакана (удельный владетель Ферганы до 574 г. х. (1178/1179 г.), затем глава династии до рубежа XII—XIII вв.). Разница между маловесными и полновесными экземплярами этих монет превышает 1 г. Значительные весовые колебания прослеживаются среди золотых монет Мухаммада бен Текеша. Часто вес их колеблется в пределах 2,7—4,2 г, некоторые экземпляры весят еще меньше, а вес отдельных экземпляров превышает 5—6 г. При этом показательно, что даже на одних и тех же монетных дворах (например, в Хорезме, Бухаре, Термезе, Нишапуре) выпускаются совершенно разновесные монеты³¹. Большой диапазон весовых колебаний демонстрируют джагатаидские монеты. Например, джагатаидские монеты Ленинабадского клада, чеканенные на одном и том же монетном дворе, практически дают все весовые варианты в пределах 1—3 г. Не рассматривая здесь вопрос о номиналах и кратных в чекане золота, об обрезывании и потертости монет, можно установить, что, поскольку монетные кружки имели разный вес, и разница часто была очень значительной, то обращаться поштучно они не могли.

Однако нужда в штучном обращении была столь ощутима, что делались явные попытки облегчить и упростить весовое обращение золота. На это намекают очень интересные весовые данные монет уже упомянутого клада из Шахристана. Целая бухарская монета в этом кладе весит 3,29 г, один фрагмент — ровно половину (1,65 г) и три мелких фрагмента в среднем 1,1 г (1,08; 1,05; 1,05), т. е. одну треть веса бухарской монеты. Конечно, обломки эти не обращались поштучно в полном смысле этого понятия. Вес их должен был проверяться; но их рациональные размеры облегчали эту проверку и, конечно, не были случайными.

Существенно отметить, что количественно выпуск золота в этот период был значительным. Любопытны некоторые свидетельства письменных источников об этом. Например, в рассказе Мунеджим-баши о сватовстве к дочери Мелик-Шаха называется огромная цифра — четыреста тысяч золотых: «Государь Газны и Туркестанские ханы, прося ее в замужество за сыновей своих, предлагали за то 400 000 золотых»³². Особенно показательно, что подавляющее число кладов средневековых золотых монет,

³⁰ Заключение Петербургского монетного двора после сплавления золотых монет, переданных туда Археологической комиссией. Архив ИА, ф. 1, 1898 г., № 72 и 1889 г., № 58.

³¹ Автором использован вес золотых караханидских и хорезмшахских монет неопубликованной коллекции № 157 Музея истории УзССР.

³² В. В. Г р и г о р ь е в. Караханиды в Мавераннахре по Тарихи-Мунеджим-баши. СПб., 1874, стр. 53 и прим. пер. № 37.

обнаруженных на территории Средней Азии, падает именно на разбираемый отрезок времени, на XI—XIII в.³³

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что золото выпускалось в этот период на очень многих монетных дворах. Из числа монетных дворов, расположенных на территории современной Средней Азии, можно назвать Бухару, Вахш, Дихистан, Мерв, Мерв-ар-руз, Самарканд, Серахс, Термез, Ходжент, Хорезм. При этом показателен не столько систематический чекан на крупных монетных дворах вроде бухарского, мервского, самаркандского и хорезмийского, сколько эпизодический выпуск остальных названных пунктов.

ХАРАКТЕРИСТИКА МОНЕТ, ОБСЛУЖИВАВШИХ СФЕРУ СЕРЕБРЯНОГО И МЕДНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Самую сложную картину рисуют монеты, относящиеся к сфере серебряного обращения и именуемые дирхемами. Именно здесь имели место явления, которые дали основание говорить о «серебряном кризисе».

Сущность этого явления заключалась в том, что в Средней Азии, как и на всем Востоке, серебряные монеты портились лигатурой. Чрезвычайно существенно выяснить реальные формы этой порчи: какой металл прибавлялся к серебру, в каком количестве, каковы этапы, динамика порчи серебряных монет.

Мы проанализировали имеющиеся в нашем распоряжении караханидские и газневидские монеты. Количественный химический (и отчасти спектральный) анализ дал очень интересные результаты.

Ранние из проанализированных монет — караханидские монеты из клада, найденного в 1955 г. в Шайданском районе Ленинабадской области. Клад в целом принадлежит началу XI в. (предельные даты от 394 до 405 г. х. (от 1003/1004 до 1014/1015 г.). Монеты чеканены в Кашгаре, Ахсикете, Самарканде, Ходженте, Шаше, Узгенте и Таразе³⁴.

Инв. №	Монетный двор	Дата	Вес, г	Анализ на	
				серебро, %	медь, %
КП-230/26	Узгент	400 г. х. (1009/1010 г.)	2,73	79,80	11,92
КП-230/24	»	400 г. х. (1009/1010 г.)	3,02	88,63	11,90
КП-230/8	Кашгар	404 г. х. (1013/1014 г.)	3,22	80,48	11,84
КП-230/40	Ахсикет	То же	?	84,32	12,58
КП-230/45	—	» »	?	87,05	11,59
КП-230/44	Ходжент	» »	3,15	59,78	34,33
КП-230/51	—	405 г. х. (1014/1015 г.)	?	64,10	32,37

Итак, ранние караханидские монеты первого и начала второго десятилетия XI в. можно еще считать высокопробными, поскольку в них количество меди составляет около 12%. Но где-то именно в начале второго

³³ Показательно, например, что саманидские динары, а тем более целые золотые клады саманидского времени встречаются в Средней Азии очень редко. Об этом свидетельствуют данные по монетным находкам в Средней Азии за многие годы. См. также М. Е. М а с с о н. К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби, стр. 181, прим. 1.

³⁴ Клад хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР (КП-230). Подробнее о его составе и исторической значимости см. Е. А. Д а в и д о в и ч. Монетные находки на территории Таджикистана в 1955 году. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». Сталинабад, 1956. Химический анализ этих и всех остальных монет сделан в аналитической лаборатории Института химии АН Тадж. ССР лаборантом Г. М. Калашниковой.

десятилетия XI в. расположен рубеж перехода к чекану значительно более низкопробных монет, ибо в ходжентской монете 404 г. х. и в монете 405 г. х. уже около 33—35% меди, а чистого серебра всего 60—64%. Мы не имеем сейчас данных для уточнения вопроса о том, является ли этот рубеж общим для всего караханидского чекана, или на разных монетных дворах Караханидов изменение состава монетного металла было не единовременным процессом. Одно несомненно: ухудшение металла в караханидских серебряных дирхемах шло за счет увеличения процента меди, причем 404 г. х. (1013/1014 г.) уже дал монеты с количеством меди, достигающим 35% ³⁵.

Второй клад, монеты которого были нами проанализированы, относится к несколько более позднему времени. Найден он в г. Термезе. Монеты караханидские, второй четверти XI в. Ранняя из полностью указанных на монете дат — 417 г. х. (1026/1027 г.), поздняя — 434 г. х. (1042/1043 г.). На всех монетах, сохранивших наименование монетного двора, читается Саганиан. Монетные кружки тонкие, плоские, довольно правильной круглой формы, почти белого цвета, т. е. внешне похожи на серебряные ³⁶.

Спектральный анализ этих монет показал в них наличие в небольшом количестве разных металлов, но с отметкой «5», т. е. «много», оказалось три: медь, серебро и свинец. Количественный химический анализ уточнил эту картину. Оказалось, что в двух монетах количество свинца составляло всего 2,72% и 3,30%. Следовательно, это — не искусственная примесь. На медь и серебро было проанализировано пять точно датированных монет.

Монетный двор	Дата	Анализ на	
		серебро, %	медь, %
Саганиан . .	420 г. х. (1029 г.)	29,51	67,91
» . .	426 г. х. (1034/1035 г.)	22,78	75,50
» . .	То же	24,42	73,90
» . .	433 г. х. (1041/1042 г.)	15,31	80,65
» . .	То же	18,56	80,76

В саганианских монетах 420 г. х. и 426 г. х. соотношение меди и серебра в монетах примерно одинаковое (23—30% серебра и 68—75% меди), хотя не исключено, что разница показателей в монетах 420 г. х. и 426 г. х. не случайна и фиксирует два этапа порчи монет. В монетах 433 г. х. процент серебра заметно уменьшился, а процент меди увеличился.

Итак, в караханидских дирхемах, чеканенных в южной части государств в первой половине XI в., еще имеется серебро. Анализ показывает, как за короткий отрезок времени на одном и том же монетном дворе в монетах уменьшается и без того небольшое количество серебра.

Несколько другую картину рисуют газневидские монеты. Мы проанализировали пять экземпляров из клада, найденного около Ворошилобада (южный Таджикистан). Монеты клада чеканены от имени газневидских

³⁵ Ср. характеристику начала и последующего развития серебряного кризиса в Средней Азии в работе М. Е. Массона «К истории горной промышленности Карамазара». Тр. Тадж. базы АН СССР, т. IV. М.—Л., 1935, стр. 229. М. Е. Массон отмечает, что «во втором десятилетии XI в. в Ходженте и Илаке еще выпускались высокопробные дирхемы, а затем, примерно с 1017 г., за недостатком серебра, пришлось перейти к выпуску кредитных дирхемов из разных неценных сплавов и даже меди».

³⁶ Клад хранится в Сурхан-Дарьинском областном историко-краеведческом музее (г. Термез).

государей Махмуда (988—1030 гг.) и Масуда (1030—1041 гг.) во второй четверти XI в. Радняя из сохранившихся точных дат — 419 г. х. (1022 г.), а поздняя — 426 г. х. (1034/1035 г.)³⁷.

Ворошилобадский клад, следовательно, синхронен ранней группе караханидских монет термезского клада. Однако металл газневидских монет весьма отличается от металла близких хронологически и территориально караханидских монет. В последних, как выше отмечалось, количество меди к 426 г. х. (1034/1035 г.) уже превышает 70%, в газневидских же монетах колеблется в пределах 19—25%. Газневидские монеты можно считать еще достаточно высокопробными, поскольку в их составе есть еще 70—76% чистого серебра.

Инв. №	Имя государя	Имя халифа	Монетный двор	Анализ на	
				серебро, %	медь, %
КП-84/1	Махмуд	Кадыр	—	76,12	19,28
КП-84/8	»	»	—	72,00	25,28
КП-84/13	Масуд	»	—	70,98	15,52
КП-84/33	»	Каим	Хутталян	70,88	27,05
КП-84/46	»	»	»	70,66	25,44

Следующие проанализированные монеты — пять экземпляров из большого неопубликованного караханидского клада, найденного на территории г. Фрунзе в Киргизии. Монеты толстые, разного размера и веса, неправильной формы, часто с рваными краями³⁸. Клад в целом охватывает 40—50-е годы XI в. Среди сохранившихся на монетах и точно прочитанных дат самая ранняя 440 г. х. (1048/1049 г.), а поздняя — 448 г. х. (1056/1057 г.). Монеты клада выпущены на монетных дворах Узгента, Ахсикета, Маргинана, Кара-Урду и др.

Принадлежность монет	Анализ на	
	медь, %	свинец, %
Шамс (монета потертая)	71,34	24,66
Шамс-ад-дауле Арслан илек	59,67	36,95
Джалал-ад-дауле Бугра кара хакан	78,70	15,43
Шамс-ад-дауле Арслан илек	70,30	21,92
Бугра-кара-хакан и Йиган-тегин	74,98	19,00

В четырех монетах количество меди примерно такое же, как в вышеупомянутых саганианских монетах — 70—80%. Зато серебра в составе этих монет фактически уже нет, а количество свинца довольно значительно. Следовательно, в северных частях владений Караханидов к середине XI в. дирхемы уже чеканились из сплава меди и свинца, а в южных частях караханидского государства во второй четверти XI в. в таких же по содержанию меди дирхемах еще было серебро.

³⁷ Клад хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР (КП-84). Подробнее о его составе см. Е. А. Д а в и д о в и ч. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 году. Доклады АН Тадж. ССР, вып. XI. Сталин-абад, 1954, стр. 71—76.

³⁸ Клад хранится в Музее истории АН Киргизской ССР (г. Фрунзе).

Однако чекан толстых монет неправильной формы из сплава меди и свинца не был продолжительным на монетных дворах северной части Средней Азии. Вскоре эти же монетные дворы, например, Узгент, Маргинан, Ахсикет — вновь возвращаются к чекану тонких круглых монетных кружков правильной формы. И в этих монетах вновь появляется серебро, причем процентное соотношение серебра и меди примерно такое же, как в саганианских монетах термезского клада.

Проанализированные монеты клада, найденного в 1956 г. на территории Ферганы, чеканены от имени Тафгач-хана Ибрагима на трех монетных дворах Ферганы в третьей четверти XI в. (монеты, сохранившие точные даты, чеканены в шестидесятых годах XI в.)³⁹. Качественный анализ показал преобладание меди, серебра, свинца и олова. Количественный анализ сделан на первые три металла.

Монетный двор	Дата	Анализ на		
		серебро, %	медь, %	свинец, %
Маргинан	453 г. х. (1061 г.)	22,77	69,33	3,80
»	460 г. х. (1067/1068 г.)	20,53	71,89	3,60
»	То же	18,55	72,74	4,70
»	—	17,78	38,35	6,99
»	—	21,48	69,49	5,09
Ахсикет	45. . . г. х.	23,10	69,34	3,52
Узгент	—	21,03	69,69	5,25

По установившейся среди нумизматов и принятой историками точке зрения, в Средней Азии с определенного времени начали выпускать чисто медные (или бронзовые) дирхемы. Соединение термина «дирхем» с медным металлом монетного кружка навело нумизматов и историков на предположение, неоднократно опубликованное и вполне оправданное, согласно которому в пору максимального развития «серебряного кризиса» на Востоке, в том числе в Средней Азии, термин этот изменил свой первоначальный смысл, связанный с серебром, и стал наименованием именно медной монеты. Вопрос этот имеет не только терминологический интерес, ибо связан с определением сферы обращения этих, якобы медных дирхемов.

Внимательное изучение крупных медных монетных кружков второй половины XII в. и трех четвертей XIII в. (караханидских, хорезмшахских и джагатаидских) позволило установить любопытный факт, что они сверху покрывались тонким слоем белого металла, как предполагали — серебра. Эта внешняя серебряная оболочка в процессе обращения стиралась, впоследствии обычно полностью исчезала. Поэтому на нее не сразу обратили внимание. Однако на многих монетах в составе нескольких разновременных кладов и на некоторых отдельных экземплярах разных музеев удалось заметить остатки такого внешнего серебрения. Наблюдение это уже отмечалось в публикациях⁴⁰, и теперь может быть подтверждено спектральным анализом. Проанализированная монета, чеканенная в Саганиане от имени

³⁹ Клад хранится в Ферганском областном историко-краеведческом музее и полностью еще не очищен.

⁴⁰ З. А. А ль х а м о в а. Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х. Тр. САГУ, вып. XI. Ташкент, 1950, стр. 71, 73; Е. А. Д а в и д о в и ч. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г. ЭВ, VIII, стр. 50 и 54—55; е ё же. Из области денежного обращения на территории Ферганы. Тр. Музея истории АН УзССР, вып. II. Ташкент, 1954, стр. 50—51.

хорезмшаха Мухаммада ⁴¹, была покрыта серебристым налетом, тонким и очень нарушенным. Спектральному анализу были подвергнуты «тело» монеты и соскобленный поверхностный слой. Оказалось, что монета изготовлена из красной меди без искусственных примесей других металлов. В числе рудных примесей содержалось до 1% серебра. Анализ поверхностного слоя (медь монеты вместе с серебристым покрытием) показал значительно большее содержание серебра (до 3—5%). Следовательно, медные дирхемы такого рода покрывались именно серебром.

Таким образом, государственная власть выпускала не просто медные монеты, сохраняя за ними наименование дирхемов, а медные посеребренные кружки, т. е. легальные фальсификаты, имевшие внешний облик настоящих серебряных монет. Именно поэтому такие монеты и продолжали именоваться дирхемами. Термин «дирхем» в Средней Азии оставался верным своей связи с серебром, своему первоначальному основному смыслу.

Стремление государства сохранить за дирхемами вид серебряных монет путем поверхностного серебрения медных монетных кружков свидетельствует о том, что эти государственные фальсификаты должны были обращаться в сфере серебра как знаки стоимости с принудительным курсом ⁴².

Для характеристики места и роли медных посеребренных монет в денежном обращении существенно отметить, что кроме основного номинала чеканились еще и его кратные. Изучение большого количества караханидских и хорезмшахских дирхемов показало, что различные номиналы при чекане получали совершенно определенный вес и внешний вид, что и отличало их друг от друга. При этом показательно, что отношение веса и достоинства совпадало, т. е. монетки половинного достоинства имели соответственно половинный вес и т. д. Практическим же критерием их различения был тип (внешний вид) монет, ибо монеты разного веса и достоинства оформлялись различно (разные картуши и ободки, расположение и даже содержание надписей, второстепенные украшения).

Приведем несколько конкретных примеров. В Узгенте в период с 579 г. х. (1183/1184 г.) по 608 г. х. (1211/1212 г.) правил караханид Кадыр. Его медные посеребренные дирхемы разного размера демонстрируют пять весовых стандартов: 1) 3 г, при среднем диаметре в 27—28 мм; 2) около 4 г, при среднем диаметре в 31—32 мм; 3) около 6 г, при среднем диаметре в 35—36 мм; 4) больше 8,5 г, при среднем диаметре в 40—41 мм; 5) больше 11,6 г, при среднем диаметре в 42—43 мм.

Не все эти монеты чеканились и обращались одновременно. Не рассматривая здесь причины и экономическую сущность изменения абсолютного веса дирхемов, отметим только, что, по имеющимся в нашем распоряжении данным, в каждый отрезок времени чеканились монеты двух весовых стандартов, с кратным отношением их веса (примерно 1 : 1,5) и достоинства (см. табл. на стр. 107).

Монеты двух весовых стандартов (с отношением 1 : 2) выпускались в начале XIII в. на монетном дворе Бенакета ⁴³. Выпущенные в одном и том же 617 г. х. (1220 г.) в Термезе дирхемы хорезмшаха Мухаммада также распадается на два номинала (с отношением 1 : 1,5). Они различаются

⁴¹ Анализ проделан в спектральной лаборатории Института геологии АН Тадж. ССР лаборантом З. Давыдовой, под руководством научного сотрудника М. Л. Шиллинга. Монета (из клада, найденного в 1958 г. в г. Регаре Таджикской ССР) хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР.

⁴² Нельзя не оговорить, что серебрение медных монет было, вероятно, спецификой не только среднеазиатского чекана этого периода. Д. Г. Капанадзе (Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 144, прим. 17) отмечает то же для грузинских монет. А. А. Быков говорил автору, что замечал следы серебрения на монетах некоторых переднеазиатских династий.

⁴³ Е. А. Давидович. Из области денежного обращения на территории Ферганы, стр. 47—48.

типом, размерами и кратным весом: монеты первого типа весят более 3 г, при среднем диаметре в 28 мм, а средний вес монет второго типа — 4,6 г, при среднем диаметре в 33 мм ⁴⁴.

Итак, в конце XII—начале XIII в. на караханидских и хорезмшахских монетных дворах одновременно выпускались медные посеребренные дирхемы минимум двух достоинств. Следовательно, в каждый данный момент на рынке обращались два (а иногда, вероятно, и больше) типа дирхемов разного достоинства с кратным отношением.

За исключением одной группы дирхемов (толстых монет разного размера, веса и неправильной формы), выпускавшихся в течение относительно короткого отрезка времени на ряде монетных дворов севера Средней Азии, все остальные серебряные высокопробные и низкопробные и просто медные посеребренные дирхемы XI—XIII вв. имели правильную форму, определенный размер и вес. Это свидетельствует о том, что они обращались поштучно. Такое заключение подтверждается близким по времени, очень интересным замечанием уроженца Маргинана, Бурхан-ад-дин Али (автора Хидаи) по поводу обращения низкопробных дирхемов и динаров. Мусульманские законоведы считали, что дирхемы и динары, в которых преобладают неблагородные металлы, уже не считаются таковыми и могут обмениваться в неравном количестве. «Составитель Хидаи замечает, что современные ученые его

страны не постановляют решений согласно с этим учением; монеты низкого достоинства там в большом ходу, и если бы продажа их в неравных количествах была дозволена, то этим открывалась бы возможность к лихве» ⁴⁵.

Что касается вышеупомянутых монет неправильного чекана, т. е. разного размера, веса и отчасти формы, то высказывалось предположение, что такие дирхемы в Средней Азии должны были обращаться по весу так же, как и в других странах Востока ⁴⁶.

Мы располагаем, к сожалению, только косвенными данными для характеристики количества обращавшихся в Средней Азии XI—XIII вв. дирхемов. Число монетных дворов в данном случае не показательно, ибо оно сокращалось по мере порчи дирхемов и превращения их в знаки стоимости с принудительным курсом. В начале XI в., например, работало очень много монетных дворов, а в позднекараханидское время конца XII—начала XIII в. систематически дирхемы чеканили только Узгент и Самарканд, отчасти Бухара, да эпизодически работало несколько монетных дворов: Бенакет Маргинан и др. Джагатаидские медные посеребренные дирхемы регулярно выпускались только в Отраре, Самарканде и Бухаре, причем продукция

Весовой стандарт	582—596 гг. х.	601—606 гг. х.	606 (или 607?)— 609 гг. х.
Около 4 г	0		
Около 6 г	0	0	
Больше 8,5 г . .		0	0
Больше 11,6 г .			0

⁴⁴ Е. А. Давидович. Термезский клад. . . , стр. 48—49.

⁴⁵ Хидаи. Комментарии мусульманского права, т. II. Пер. с англ. под ред. Н. И. Гродекова. Ташкент, 1893, стр. 331.

⁴⁶ Неправильный чекан для Средней Азии — явление эпизодическое и достаточно узколокальное. В некоторых других странах Востока он был распространен шире и продолжался долго. Исследователи полагают, что такая монета ходила по весу, но, видимо, выше стоимости заключенного в ней металла. Однако этот вопрос не считается решенным. См., например, Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Тр. Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 3. Баку, 1926, стр. 24; М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Тр. САГУ, новая серия, вып. XXIII. Ташкент, 1951, стр. 103; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, стр. 69.

отрарского монетного двора, судя по отдельным находкам и составу кладов, была наиболее многочисленной. Отсюда, однако, нельзя делать вывод о количественном уменьшении выпуска дирхемов. Учет числа монетных дворов был бы существен, если бы речь шла о высокопробных монетах. В данном же случае сокращение числа монетных дворов прежде всего объясняется экономикой обращения знаков стоимости с принудительным курсом. Количество обращающихся денег определяется в конечном счете суммой цен товаров и быстротой оборота. Высокопробные монеты могут выпускаться в любом количестве, ибо их излишки, не нужные в обращении, всегда отливают в резервуар сокровища. Но перенасыщение рынка знаками стоимости сразу приводит к падению их курса и затем к различным кризисным явлениям в обращении, что иногда и имело место (например, в Фергане в конце XII в.). Поэтому количество выпускаемых на рынок знаков стоимости должно регулироваться и контролироваться. Первое практически удобное условие для этого — концентрация чекана на небольшом числе монетных дворов. Иначе говоря, сокращение числа монетных дворов в данном случае было продиктовано не желанием сократить продукцию, а другими причинами.

Более существенны данные по монетным находкам. В Средней Азии сделаны многочисленные находки отдельных экземпляров и кладов дирхемов XI—XIII вв. Клады могут быть разбиты на типо-хронологические группы. Первую группу составляют очень часто встречающиеся отдельные высокопробные серебряные дирхемы и клады таких монет. Эти монеты принадлежат караханидскому чекану начала XI в. и газневидскому чекану первой половины столетия. Вторую группу составляют клады низкопробных караханидских дирхемов, содержащих, однако, в своем составе определенный процент серебра. Эти тонкие, довольно правильной формы монеты еще очень похожи на серебряные. Хронологически они доходят, видимо, до четвертой четверти XI в. Такого рода клады известны сейчас в меньшем числе, чем первые. Особую группу составляют часто встречающиеся в северных районах Средней Азии (преимущественно на территории Семиречья и Ферганы) клады дирхемов неправильного чекана. Нам известно восемь таких крупных кладов, имеющих примерно один состав и чеканенных в короткий отрезок времени около середины XI в. (преимущественно 40-е годы V в. х.). Затем следует серия кладов медных посеребренных дирхемов Караханидов, Хорезмшахов и Джагатаидов. Среди караханидских преобладают ферганские. Медные посеребренные дирхемы очень часто встречаются в Средней Азии и отдельными экземплярами.

Количество зарегистрированных отдельных дирхемов и кладов XI—XIII вв. очень велико. Можно сказать, что дирхемы этого времени — одна из наиболее часто встречающихся на территории Средней Азии групп средневековых монет. Клады дирхемов содержат разное число монет, часто порядка нескольких сотен и даже нескольких тысяч экземпляров. Количество зарегистрированных кладов дирхемов этого времени и их размер можно сравнить только, пожалуй, с тимуридскими и раннешейбанидскимикладами медных монет XV и начала XVI вв. Конечно, не все десятилетия этого периода представлены равномерно, как видно уже из суммарного перечня хронологических групп кладов. Но в целом выпуск дирхемов явно был очень обильным. Так, даже клады, охватывающие небольшой хронологический отрезок, включают большое количество типов и вариантов монет. Удалось проследить, что были периоды, когда на отдельных монетных дворах дирхемы выпускались ежегодно.

К сфере серебряного обращения относится еще одна группа монет — «дирхемы», чеканившиеся с VIII в. по типу бухар-худатских монет и составлявшие основу внутригосударственного обращения при Тахиридах и Саманидах. Источники, делящие их на три группы (гитрифи, мусейяби и

мухаммади) свидетельствуют о том, что налоги в IX—X вв. выплачивались именно этими «дирхемами», что они свободно обменивались на серебро по определенному курсу. Дошедшие монеты этого типа можно разбить по металлу на три группы: из высокопробного серебра, из низкопробного серебра и из печенных сплавов, внешне похожих на медь или бронзу. Последняя группа — самая многочисленная.

Считается — и такая точка зрения высказана в печати — что порча всех видов монет бухар-худатского типа проводилась параллельно и этапами: очень рано (уже в конце VIII в.) прекратился выпуск высокопробных серебряных дирхемов, металл низкопробных серебряных монет также начали быстро портить ⁴⁷.

Однако имеются данные утверждать, что серебряные монеты этого типа обращались вплоть до начала XI в. Нам известны два случая, когда они оказались в составе кладов вместе с караханидскими монетами начала XI в. Оба клада найдены на территории Ферганы. Бухар-худатские монеты в составе первого оказались серебряными, но производили впечатление низкопробных ⁴⁸. Аналогичные монеты в составе второго клада кажутся довольно высокопробными ⁴⁹.

Надо полагать, что серебряные монеты бухар-худатского типа исчезли из обращения в начале XI в. вместе с исчезновением хороших серебряных караханидских монет.

«Медные» монеты этого типа при Караханидах обращались значительно дольше, по крайней мере, до второй четверти XII в., о чем прямо и недвусмысленно свидетельствует текст в «Тарихи-Бухара»: «Ахмад бен Наср говорит, что в 522 году, когда мы перевели эту книгу, сто дирхемов чистого серебра стоили семьдесят дирхемов гитрифи» (вариант — 100 дирхемов серебра равны 80 дирхемам гитрифи).

Из этого сообщения следует, что во второй четверти XII в. дирхемы гитрифи по курсу шли даже выше чистого серебра и, следовательно, отошли к сфере серебряного обращения.

В правление хорезмшаха Мухаммада бен Текеша и позже при монголах чеканились также настоящие, высокопробные серебряные монеты ⁵⁰. Они известны в небольшом количестве, но все же мы можем заключить, что на последнем этапе развития «серебряного кризиса» в Средней Азии наряду с медными посеребренными дирхемами — знаками стоимости — в обращении эпизодически участвовали выпуски настоящего серебра.

Решение вопроса о монетах, обслуживающих сферу медного обращения и самую мелкую, розничную торговлю, представляло значительные трудности. Пока дирхемы XII—XIII вв. считались просто медными или бронзовыми, можно было предполагать, что медные фельсы вообще не чеканились ⁵¹. Но установление того факта, что дирхемы XII—XIII вв. покрывались слоем белого металла и внешне походили на серебряные, совершенно меняет дело и позволяет априорно предположить, что наряду с внешне серебряными дирхемами в XII—XIII вв. должны были чеканиться и медные фельсы.

⁴⁷ См. М. Е. М а с с о н. К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби...

⁴⁸ Архив ИА, ф. 1, 1894, г., д. № 98. В ОАК за 1894 г., стр. 46, 170—171, определение обобщенное и неточное.

⁴⁹ Е. А. Д а в и д о в и ч. Клад караханидских монет Ленинабадского областного музея. Изв. Отд. общ. наук. АН Тадж. ССР, вып. 14. Сталинабад, 1958.

⁵⁰ E. T h o m a s. On the coins of the Kings of Gazni. JRAS, v. IX, 1848, p. 381—383; St. L a n e - P o o l e. Catalogue of the Mohammedan coins preserved in the Bodleian Library at Oxford. Oxford, 1888, p. 21, № 401; А. К. М а р к о в. Каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 299, № 31; З. А. А л ь х а м о в а. Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х., стр. 69; и др.

⁵¹ В литературе дирхемы, имеющие вид медных монет, ошибочно иногда называются фельсами, хотя в их круговых надписях имеется слово «дирхем». Медные фельсы XI в. хорошо известны и опубликованы в литературе.

В настоящее время нам удалось выявить два типа медных монет в надписях поименованных фельсами. Первый тип принадлежит самаркандскому чекану караханида Ибрахима бен Хусейна 595 г. х. (1198/1199 г.)⁵². Второй тип — бухарские монеты 608 г. х. (1211/1212 г.), чеканенные хорезмшахом Мухаммадом бен Текешем⁵³.

До тех пор, пока дирхемы этого времени считались медными — слово «фельс» на некоторых медных монетах можно было счесть ошибкой резчика штампа. Серебряный облик дирхемов исключает такое допущение. Правда, фельсы караханида Ибрахима и хорезмшаха Мухаммада заполняют лишь очень короткий отрезок времени в самом конце XII в. и в начале XIII в. Чеканились ли фельсы до и после этого? Не исключено, что некоторые типы медных монет XII—XIII вв., не содержащие или не сохранившие в своих круговых надписях ни слова «дирхем», ни слова «фельс», могли по назначению быть именно фельсами, ибо практическим критерием различения дирхемов и фельсов было не наличие соответствующего термина (который иногда даже не включался в надписи, во многих же случаях стирался или не умещался на монетном кружке), а наличие или отсутствие серебряной оболочки.

Таким образом, если не систематически, то эпизодически на разных монетных дворах выпускались медные фельсы, которые и обслуживали мелкий розничный товарооборот. Это было одной из реальных предпосылок и необходимым условием для узаконения за дирхемами их высокопринудительного «серебряного» курса⁵⁴.

ОБ ОСНОВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ И ПРИЧИНАХ НОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ С XI в.

Анализ интересного свидетельства, датированного 522 г. х. и вставленного Ахмадом бен Насром в книгу Наршахи «Тарихи-Бухара», позволил выявить среднюю норму отношения золота и серебра в Средней Азии XII в. — 1 : 7,5. Это отношение показывает, что в XII в. серебро в золоте здесь оценивалось высоко. К. Маркс подчеркивал, что в средние века среднее отношение золота к серебру было 1 : 10⁵⁵. Наш пример демонстрирует значительно более высокую цену серебра в золоте.

Не исключено, что имело место увеличение количества золота, повлиявшее на сложение указанного отношения двух металлов. Однако в большей степени это отношение должно было определяться именно состоянием серебряных запасов, на которое влиял значительный отлив серебра за IX—X вв. Несомненно, что рудники не компенсировали полностью этот отлив, так что серебряные запасы в стране должны были постепенно уменьшаться. На это указывает тот любопытный факт, что, несмотря на растущую потребность русского рынка в деньгах, поступление восточного серебра со второй половины X в. все более сокращается⁵⁶. В свете этого процесса отношение золота и серебра в XII в., как 1 : 7,5, отражает в первую оче-

⁵² А. К. Марков. Каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 288—289, № 593—594; один экземпляр лучшей сохранности имеется также на кафедре археологии Средней Азии САГУ в Ташкенте.

⁵³ Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 7. Ташкент, 1955, стр. 170—171.

⁵⁴ В северных районах Средней Азии широкое распространение получила медная анонимная византийская монета (М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии. . . , стр. 103). Однако сфера обращения этой меди неизвестна.

⁵⁵ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат. 1952, стр. 157.

⁵⁶ В. Л. Янин. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в древней Руси. ВИ, 1955, № 8, стр. 140, прим. 18.

редь состояние именно серебряных запасов, и в меньшей степени — золотых.

Итак, отношение 1 : 7,5 дает объективное представление о состоянии в Средней Азии XII в. серебряных запасов и, на первый взгляд, подтверждает высказанную в литературе точку зрения, согласно которой именно недостаток серебра-металла явился непосредственной и основной причиной порчи серебряных монет. Однако сравнительный материал заставляет пересмотреть характер связи между состоянием серебряных запасов и порчей серебряных монет.

В Хорезме во второй половине XIII в. начался интенсивный выпуск серебряной монеты, однако даже во второй четверти XIV в. отношение золота и серебра было 1 : 8,5, т. е. немногим менее благоприятно для серебра, чем в XII в. — в период максимальной порчи серебряных монет и перехода на медные посеребренные дирхемы.

Приведем примеры, показывающие, что иногда серебро в золоте оценивалось даже выше, чем в XII в., и все же это не привело к регулярной и прогрессирующей порче монет.

В Халифате отношение золота и серебра часто менялось. Определенный отрезок времени существовало отношение 1 : 7⁵⁷, однако серебряная монета чеканилась и обращалась. Такое же отношение 1 : 7 может быть вычислено для тимуридского государства конца XV—начала XVI вв.⁵⁸ Следует оговорить, что количество выпускаемых монет при Тимуридах не было достаточным для обслуживания сферы обращения серебра. Это явилось одной из причин того, что в XV в. чрезвычайно выросло значение медной монеты, чеканилась она в огромном количестве и захватывала сферу обращения серебра. Хотя мусульманское право одобряет расчеты медной монетой только в количестве, не превышающем сумму одной серебряной, — практически в это время медью выплачивались очень крупные суммы. Они часто упоминаются в письменных источниках даже при исчислении наград и подарков. При таком положении тем более существенно то обстоятельство, что серебряная монета оставалась высокопробной.

Известны случаи, когда серебро довольно низко оценивалось в золоте, как было в Согде в первой четверти VIII в. (около 1 : 14)⁵⁹ и в аштарханидском государстве в конце XVII в. (1 : 13,5)⁶⁰. Но показательно, что при одинаковом или близком состоянии серебряных запасов картина серебряного чекана оказалась несходной. В Согде VIII в. выпускались высокопробные серебряные монеты, в аштарханидских же теньгах XVII в. и первой половины XVIII в. было больше меди, чем серебра. При этом весьма существенно, что во втором случае серебряные монеты портились отнюдь не с фискальной целью. Всестороннее рассмотрение этого странного, на первый взгляд, явления позволило заключить, что порчу серебра при Аштарханидах целиком определили общие социально-экономические и политические условия, в силу которых казна не обладала достаточными запасами серебра для монетного чекана, но и регулярный свободный чекан также не могла наладить⁶¹. Интересно отметить, что в Средней Азии

⁵⁷ В. Г. Тизенгаузен. Монеты восточного халифата. СПб., 1873, стр. XII.

⁵⁸ Имеется косвенное указание в одном юридическом сочинении этого времени, составленном в качестве пособия-руководства при судопроизводстве. См. рукописи Института востоковедения АН УзССР, № 2064, л. 203-а; № 5432, л. 212-а.

⁵⁹ О. И. Смирнова. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии, стр. 132.

⁶⁰ Е. А. Давидович. Денежная реформа 1708 г. в Бухаре. КСИИМК, вып. 66, стр. 42.

⁶¹ Пример такого же характера, но значительно больших масштабов, дает денежное обращение на Руси. Во второй половине X в. сократился, а с начала XI в. совсем прекратился приток сюда восточной серебряной монеты. Попытка заменить восточный дирхем чеканкой своей монеты не удалась. Обращение западного денария (на севере)

первой половины XIX в. отношение золота и серебра ⁶² равнялось 1 : 14,7 (с небольшими отклонениями в обе стороны), следовательно, изменилось не столь уж значительно. Однако в это время обильно выпускались высокопробные серебряные монеты, и в основе денежного обращения вновь (после известного перерыва) лежало серебро.

Приведенные примеры показывают, что в Средней Азии при самом благоприятном состоянии серебряных запасов серебряные монеты в течение полутора столетий регулярно портились; и, наоборот, при самом неблагоприятном состоянии запасов серебра выпускалась высокопробная монета. Следовательно, между состоянием серебряных запасов и спецификой серебряного чекана существует не прямая связь. Изменение состояния серебряных запасов следует рассматривать поэтому не как непосредственную причину изменений в монетном чекане, а лишь как предпосылку и объективное условие, при постоянном действии которого характер и специфику монетного чекана определяли другие причины.

В Средней Азии XI—XII вв., кроме того, порча и исчезновение серебряных монет были не единственной особенностью денежного обращения, и поэтому вопросы о причинах, сущности и месте этого явления не могут рассматриваться изолированно. Между тем, другие типичные черты денежного обращения XI—XII вв. и новые явления по сравнению с предшествующим периодом еще менее можно объяснить одним состоянием серебряных запасов.

Каковы же наиболее характерные черты монетного чекана и обращения в Средней Азии XI—XII вв., что нового внес этот период по сравнению с предшествующим и какими причинами можно объяснить новые явления в чекане и обращении?

В сфере серебра функцию средства обращения выполняли многочисленные монеты разного металла, разного веса, размера и внешнего вида, объединенные наименованием «дирхем», которое проставлялось, как правило, в круговых надписях монетных кружков. В начале XI в. это были еще высокопробные серебряные дирхемы разных типов. Количество меди в караханидских дирхемах этого времени не превышало 12—13%, но уже для начала второго десятилетия XI в. известны монеты, в которых содержание меди повысилось до 35%. Все же на этом этапе серебро в караханидских монетах преобладало. Серебряные дирхемы бухар-худатского типа, дожившие до этого времени, также были достаточно высокопробными. На юге Средней Азии и в сопредельных странах в пределах газневидского государства высокопробные монеты выпускались и обращались еще дольше. Даже в монетах Масуда (1030—1041 гг.) количество меди не превышает 25—27%. В караханидском государстве в это время и позже (видимо, до последней четверти XI в.) чеканились уже низкопробные серебряные дирхемы, в которых медь преобладала, но серебро все же было. Например, в саганианских монетах второй четверти XI в. количество меди достигло уже 70—80%, так же как в маргинанских, ахсикетских и узгентских дирхемах третьей четверти столетия. Примерно около середины XI в.

также сокращалось, а к XII в. прекратилось. Наступил так называемый «безмонетный» период, хотя внутреннее состояние экономики предполагало большую потребность в монете, а состояние серебряных запасов, накопившихся за предшествующее время, объективно позволяло эту потребность в какой-то мере удовлетворить. В. Л. Янин («Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения...», стр. 140—141) причину «отказа» от монеты справедливо видит в том, что собственных источников серебра Русь в то время была лишена, а скопившиеся запасы иностранного серебра существовали в распыленном виде. И только концентрация этих распыленных сокровищ в процессе экономического и политического возвышения Москвы открыла возможность самостоятельной чеканки.

⁶² Вычислено на основании сведений о курсе серебряных и золотых монет, приведенных Мейендорфом, Эверсманом, Ханыковым и Бутеневым 2-м.

ряд монетных дворов северной части караханидского государства в течение некоторого времени выпускает дирхемы из сплава меди и свинца (неправильной формы, разных размеров и толщины, часто с рваными краями). В XII—XIII вв. дирхемы чеканились из меди и лишь сверху покрывались серебром. В небольшом количестве и очень эпизодически в XIII в. к массе этих государственных фальсификатов добавлялись настоящие серебряные монеты.

Параллельно всем перечисленным видам караханидских дирхемов (по крайней мере, до второй четверти XII в.) по очень устойчивому и высокому курсу обращались медные (или бронзовые) дирхемы бухар-худатского типа (в источниках иногда именуемые «черными дирхемами»).

В основной массе дирхемы XI—XIII вв. (за исключением серебряных высокопробных монет) являлись знаками стоимости с разными принудительными курсами. Следовательно, основу внутригосударственного денежного обращения XI—XIII вв. в сфере серебра составляли именно такие знаки стоимости. Такова первая, очень яркая и характерная особенность денежного обращения этого периода. Однако эта особенность возникла не в рассматриваемый период, а несколько раньше.

В предшествующее время в государстве Саманидов не эпизодически, а постоянно чеканились настоящие высокопробные серебряные монеты. Но в основной своей массе они уходили за пределы Средней Азии. Их в огромном количестве находят в кладах, обнаруженных на территории Восточной Европы, в Прибалтике и т. д. На территории же Средней Азии находки серебряных саманидских монет редки. Следовательно, во внутригосударственном обращении серебро существенной роли не играло. Об этом то косвенно, то прямо свидетельствуют и письменные источники. Ибн-Хаукаль, например, описывая различные виды денег, обращавшихся в Бухаре, прямо пишет, что дирхемы гитриф, мухаммади и мусейяби здесь предпочитают серебряным саманидским монетам, именуемым исмаили⁶³. Все источники IX—X вв. согласно свидетельствуют, что при Тахиридах и Саманидах налоги вносились не серебряными тахиридскими и саманидскими дирхемами, а вышеупомянутыми тремя видами монет (т. е. гитриф, мухаммади и мусейяби). Иначе говоря, состояние серебряных запасов в Средней Азии IX—X вв. не позволяло насытить серебряной монетой и внешний и внутренний рынок. В сфере серебра на внутреннем рынке Средней Азии IX—X вв. господствовали разного рода монеты, обращавшиеся по принудительным курсам.

Таким образом, в существе внутригосударственного обращения за время с IX—X вв. по XI—XIII вв. изменений не произошло: и до и во время «серебряного кризиса» функцию средства обращения в сфере серебра в основном выполняли разные монеты с принудительным курсом. Разница заключалась главным образом в составе этих монет. Денежное обращение XI—XIII вв. впитало наиболее распространенные в предшествующий период знаки стоимости (медные монеты бухар-худатского типа) и пополнило их выпусками новых видов разного рода дирхемов также с принудительным курсом. Иначе говоря, изменение состояния серебряных запасов в Средней Азии на существе внутригосударственного обращения в сфере серебра заметно не сказалось, отразившись, в первую очередь, на характере внешней торговли.

Приведенный выше материал по чекану и обращению золота позволяет выявить характерные черты золотого обращения в Средней Азии XI—XII вв. Сравнение с положением золота в предшествующий период показывает, что эти характерные черты и особенности почти целиком (в отли-

⁶³ О монетах исмаили см. Е. А. Давидович. Ибн-Фадлан и Наршахи о медных деньгах Бухары. Сб. «Рудаки и его эпоха». Сталинабад, 1958, стр. 204.

чие от обращения в сфере серебра) типичны именно для рассматриваемого периода.

1. Судя по составу кладов, в Средней Азии этого периода обращалась продукция самых различных монетных дворов и разных династий, больше всего — хорезмшахских, затем караханидских, газневидских, гуридских и сельджукских (позже — чингизидских и джагатаидских). Значительно реже, но все же встречается золото других государств. Судя по топографии кладов, золотые монеты выходили за пределы границ выпустившего их государства, т. е. выполняли функцию мировых денег, несмотря на разнопробность.

2. В Средней Азии периода «серебряного кризиса» золотые монеты, судя по большому количеству в кладах обломков монет и значительным весовым колебаниям целых экземпляров, обращались не штучно, а на вес. В пользу этого же вывода говорит смешанный (с точки зрения династической принадлежности) состав кладов и ареал распространения монет.

3. В феодальной Средней Азии золото, в силу определенного и низкого уровня цен, в основном использовалось для наград, для очень крупных выплат и т. д., т. е. не столько служило средством обращения, сколько выполняло функции сокровища. Но в рассматриваемый период роль золота как средства обращения резко увеличивается. Количественный рост золотых монет и особенно то, что их разламывали на мелкие части, свидетельствуют о том, что золото гораздо больше, чем в предшествующий и последующий периоды, участвовало в реальном торговом обороте, и что сфера золотого обращения значительно расширилась.

4. За этот длительный период место золота в торговле и денежном обращении не оставалось неизменным. Особенно значение золота выросло в XII в. и в начале XIII в. (до монгольского завоевания).

Золотые динары чеканились и в предшествующий период, при Саманидах, но чеканились, видимо, в небольших количествах. Находки золотых динаров редки в Средней Азии. Клады насчитываются единицами, по размерам они невелики.

По свидетельству источников, золото при Саманидах считалось товаром. О золоте в Бухаре, например, очень точно и недвусмысленно пишет Истахри: «Деньги их — дирхемы; они не торгуют между собой на динары, которые (у них) как товар»⁶⁴. Не случайно Ибн-Фадлан, который прожил в Бухаре некоторое время и очень подробно (с деталями, отсутствующими у других авторов) описал монеты, обслуживавшие городскую торговлю, золото вовсе не упоминает⁶⁵.

Итак, в Средней Азии IX—X вв. функция средства обращения была еще совершенно чужда золоту, хотя монеты из золота чеканились. Поэтому понятны весовые колебания золотых монет: точность веса не имела значения, так как поштучно такие монеты не обращались; если они попадали на рынок, то принимались на вес⁶⁶.

Весовая проверка сохранилась и в последующее время. В этом смысле XI—XIII вв. как бы впитали наследие саманидского времени⁶⁷. Но положение золота качественно изменилось. Находки золотых монет и кладов

⁶⁴ BGA, I, 314. Ибн-Хаукаль более кратко: «Их деньги — дирхемы; динары же — как товар» (цит. изд. Kramers'a, стр. 490). У Якута (изд. G. Wüstenfeld'a, т. I, стр. 519), как у Истахри.

⁶⁵ А. П. К о в а л е в с к и й. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 122.

⁶⁶ Так было не везде в это время. Например, в Магрибе вплоть до Дамаска, по сообщению Макдиси (BGA, III, 240), золотые монеты считались не товаром, а деньгами и обращались поштучно.

⁶⁷ Необходимость весового приема золотых монет диктовалась уже одним тем, что на рынках Средней Азии обращались золотые монеты различных государств, чеканенные, естественно, по разным весовым стандартам.

свидетельствуют о том, что именно в XI—XIII вв. большое место в золотом обращении заняли фрагменты монет разного размера и веса. С помощью довесков легко было производить выплату и маленьких и больших сумм, исчисленных в определенных счетных единицах; наличие «рациональных» фрагментов кратного веса говорит о том, что рынок нуждался в штучном обращении золотых монет разного достоинства, и попытки упростить весовое обращение монет делались.

Таким образом, в положении золота произошел существенный перелом. Не был ли этот перелом непосредственным результатом сокращения серебряных запасов? В литературе косвенно высказывалась мысль, что именно прекращение чекана серебряных монет заставило многие государства перейти на золото. История денежного обращения, действительно, знает примеры, когда золото выступало на арену в качестве заменителя недостающего серебра. Однако в IX—X и в XI—XII вв. наблюдается другая картина. Изменение роли золота к XI—XII вв. характерно более всего для внутригосударственной торговли и касается в первую очередь его функции средства обращения, до этого развитой мало. Кроме того, если серебро во внутренней торговле в IX—X вв. существенной роли не играло, то и золото тогда не имело большого значения во внутренней торговле. В XI—XII вв. место и роль серебра в этой области хозяйства по существу не изменились, тогда как место и роль золота изменились существенно. Прекращение выпуска высокопробных серебряных монет, которые в основном поглощались внешним рынком, и уменьшение серебряных запасов, сыграв какую-то косвенную роль в жизни золота, не были, однако, непосредственной причиной, которая привела к такой активизации чекана и обращения золотых монет. Причину этого явления нужно искать в другом.

Период XI—XII вв. был временем интенсивного развития городов, ремесла и торговли как в Европе, так и в Азии. Небывалого развития достигают города Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Средней Азии, даже обгоняя в этом отношении европейские города.

Период расцвета городской жизни в Средней Азии XI—начала XIII в. (до монгольского завоевания) хорошо отражен в собранном археологами и историками значительном материале ⁶⁸.

Приведем ряд примеров, характеризующих экономическое положение Средней Азии в изучаемое время.

Одним из крупнейших городов Средней Азии был уже тогда Самарканд. В XI—XII вв. Самарканд значительно вырастает территориально. Разросшиеся за пределами старых городских стен жилые кварталы и базары занимают столь большую площадь, а торговля и ремесло в этой части города играют такую большую роль в его жизни, что вся эта территория даже обводится городской стеной. Именно в это время оформляется часть Самарканда, которая становится центральной на все последующее время ⁶⁹. Другие крупные города Средней Азии — Бухара, Термез, Ташкент и пр. — также в это время территориально разрастаются.

Но рост коснулся, что очень существенно, не только наиболее крупных городских центров. Растут и развиваются средние и небольшие города и городки. Так, в городе Хульбуке — столице области Хутталъ ⁷⁰ — в XI—

⁶⁸ См. сводную статью Б. А. Литвинского «О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии». Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 4. Сталинабад, 1953.

⁶⁹ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 164 сл.

⁷⁰ Городище Хишт-тепе в кишлаке Курбан-Шаит недалеко от г. Куляба (Таджикистан). См. Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хутталъского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. II. Сталинабад, 1954.

XII вв. резко возрастает, во-первых, плотность городской застройки (появляются жилые дома там, где до этого были сады или огороды), а во-вторых, расширяются границы города (постройки появляются на окраине города, где были до того городские свалки и свободные участки). Эти же явления в разной степени мы наблюдаем и в других средних и небольших городах и поселениях Южной Туркмении, Хорезма, Северной Киргизии и т. д.

Любопытно отметить, что в этот период даже самые глухие и изолированные уголки Средней Азии втягиваются в общие товарно-денежные отношения. Например, узкая горная долина реки Обиниоу, частично примыкающая к долине реки Пяндж (современный Даштиджумский район Таджикистана), жившая до этого своим замкнутым натуральным хозяйством, в рассматриваемое время переживает относительно большой экономический расцвет на базе тесных экономических связей с равнинным Хутталем.

Не останавливаясь специально на характеристике ремесла, следует отметить, что все его виды явно прогрессируют. Объем ремесленной продукции возрастает. Достаточно упомянуть стекольное и керамическое производство, изготовление художественного металла, различные прикладные ремесла и т. д. Стандартизация форм и украшений (например, в керамике и стекле) в это время свидетельствует не только о серийности и массовости выпусков, но и о существовании в Средней Азии ремесленных объединений с их регламентацией.

Итак, XI—XII и начало XIII в. можно рассматривать как этап феодализма, характеризующийся, в частности, бурным развитием городов и городской жизни, ростом товарного производства и, следовательно, торговли.

Такой характер экономики этого времени по-новому объясняет характерные черты денежного обращения XI—XIII вв., делает понятными те явления в обращении, которые возникают в это время.

Именно бурное развитие городов и товарного производства в XI—XII вв. потребовало обеспечить рынок большим количеством средств обращения. Размах и объем торговли вызвал к активной жизни золото. Его функция средства обращения, наименее существенная до этого времени, стала одной из ведущих функций. В сочетании с определенным уровнем цен это привело к тому, что в основе золотого обращения оказалась не целая золотая монета, а фрагменты монет разной величины и веса.

Прекращение вывоза серебра в Восточную Европу с самого начала XI в. должно было стабилизировать его абсолютные запасы на определенном уровне, вне зависимости от степени пополнения⁷¹. Все это серебро могло быть использовано на внутреннем рынке и в обычных экономических условиях должно было бы приостановить начавшуюся порчу серебряных монет. На деле же порча монет не только продолжалась, но размеры ее прогрессивно увеличивались. Следовательно, состояние серебряных запасов не позволяло обеспечить рынок необходимым количеством полноценных серебряных монет, хотя на внутренний рынок, по существу, могло поступить больше этого металла, чем в предшествующий период.

⁷¹ Вопрос о состоянии добычи серебра в Средней Азии XI—XII вв. еще ждет своего разрешения. М. Е. Массон неоднократно высказывал мысль о кризисе металлургической промышленности и об истощении к этому времени среднеазиатских рудников (см., например, М. Е. М а с с о н. Историческая археология на службе геологической разведки. «Народное хозяйство Средней Азии», 1930, № 2, стр. 53; е г о ж е. К истории горной промышленности Карамазара. Тр. Тадж. базы АН СССР, т. IV. М.—Л., 1935, стр. 228—229; е г о ж е. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 124). Это встречало серьезные возражения (см. П. П. И в а н о в. К истории развития горного промысла в Средней Азии. М.—Л., 1932, стр. 37—38).

Таким образом, разные причины (в IX—X вв. — специфика внешней торговли, а в XI в. — возросшие потребности торговли внутренней) привели к тому, что внутренняя торговля в сфере серебра обеспечивалась знаками стоимости с принудительным курсом. Следует также оговорить, что известную роль должны были сыграть новые явления в социально-политической жизни. Период XI—XII вв. был временем интенсивного развития ряда феодальных институтов, в частности — института феодальных пожалований. Феодальная раздробленность и удельная система определяли государственное устройство при Караханидах. Запасы серебра неизбежно должны были существовать в рассеянном виде. Специфика государственного устройства и господство системы феодальных пожалований исключали возможность мобилизации и концентрации серебряных запасов для государственного чекана, а феодальные усобицы и прочие политические осложнения не создавали благоприятных условий для регулярного свободного чекана. Таким образом, распыленный характер серебряных запасов на фоне растущей потребности в средствах обращения, в свою очередь, должен был ускорить процесс порчи серебряных монет.

Итак, объективным условием для развития «серебряного кризиса» было состояние серебряных запасов. Но это общее условие само по себе могло бы не отразиться на монетном чекане, изменив, в крайнем случае, курс серебряных монет относительно золота. Основной причиной, вызвавшей в этих условиях отказ от чекана высокопробных монет и активизацию золота как средства обращения, было экономическое состояние страны, определявшееся бурным ростом городов, товарного производства и денежной торговли. Именно эта причина определила время, размах и форму «серебряного кризиса», а также все прочие новые явления в денежном обращении Средней Азии. Роль ускорителя этих процессов (особенно порчи серебряных монет) в этих условиях должны были сыграть характерные особенности социальной и политической жизни среднеазиатского общества в рассматриваемый период.

Все причины «серебряного кризиса», как одного из характерных явлений денежного обращения XI в., в других государствах и областях Востока должны рассматриваться конкретно-исторически и самостоятельно. Но думается, что отличия будут прослеживаться только между второстепенными явлениями, потому что главная причина, заключающаяся в бурном экономическом развитии, в росте городов и расширении торговли, существовала в этот период не только в Средней Азии, но и в других областях Востока.
